
КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ФЕНОМЕНЫ В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА

С. С. Пашин, А. В. Аксанов,
ПОХОД ИВАНА IV НА КАЗАНЬ ЗИМОЙ 1549–1550 ГОДОВ
В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОКОВ

Московско-казанское противостояние в XV–XVI вв. более двух столетий привлекает внимание отечественных историков. Созданные при этом нарративы, по сути, сводятся к более или менее подробному пересказу известий той или иной летописи, или комбинации сообщений нескольких летописных сводов, в зависимости от предпочтений историка. Следует иметь в виду, что практически все исследователи московско-казанских отношений следовали установкам объективистско-позитивистской парадигмы и пытались изобразить картину исторической действительности, «как это было на самом деле». При этом источник воспринимался ими как хранилище фактов, которые можно выделить с помощью критического метода. Под критикой источника понималось вычленение «правдоподобных» фактов, очищение источника от явно надуманных «уточнений» летописцев. Главным критерием такого анализа считался «здоровый смысл» – рационалистические убеждения ученого, позволяющие отделить факт от вымысла.

Между тем, очевидно, что летописные известия отражают не только объективную историческую реальность, но и факты сознания книжников. Русские средневековые авторы не столько пытались показать подлинную реальность, сколько стремились осмыслить историческую данность через призму идей Священного Писания. Согласно И. Н. Данилевскому, «для летописца... Священная история – вневременная ценность, постоянно заново переживаемая в реальных “сегодняшних” событиях... Отсюда следовал и способ описания – через прямое или опосредованное цитирование сакральных текстов, прежде всего, Библии... Аналогия с библейскими событиями давала летописцу типологию существенного. Священное Писание являлось для него и его современников семантическим фондом, из которого оставалось лишь выбрать готовые клише для восприятия, описания и одновременной оценки происходящего»¹.

Объяснение смысла текста, исходя из мировоззренческих устоев его создателя – это главная задача герменевтики. В нашем сообщении мы попытаемся продемонстрировать плодотворность применения герменевти-

ческого анализа при изучении истории московско-казанских отношений. В качестве примера нами избраны летописные известия о походе Ивана Грозного на Казань зимой 1549–1550 годов.

Пространное известие официальных московских книжников об этом походе сохранилось в Царственной книге, Летописце начала царства, а также в Никоновской и Львовской летописях. Текстологический анализ известия позволяет заключить, что в перечисленных сводах отразились взгляды современников или даже очевидцев событий².

Рассказ о походе предваряет апологетическое изречение летописцев: «Царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всея Руси не мога терпети отъ клятвопреступниковъ Казанцовъ за многие ихъ творимыя клятвы и неправды, – всегда обеты безбожнии твориша в государьской царя великого князя воле пребывати, и ни мала времени пребывъ въ своей правде, но ложь творяше, якоже злии зверие хапающе многихъ христианъ въ плен безбожномъ своимъ клятвотворениемъ, и многыа церкви оскверниша и въ запустение учиниша, – благочестивая же его держава о сихъ скорбяше и не мога сего отъ нихъ терпети, от безбожнаго ихъ клятвопреступления, съветъ сътворять съ отцемъ своимъ съ Макариемъ митрополитомъ и з братию своею, съ княземъ Юрьемъ Василичемъ и съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ, и з боляры, хотя итти на Казанского царя Утемишь-Гиреа, Сафа-Киреева царева сына, и на злыхъ клятвопреступниковъ Казанцовъ»³.

Другими словами, казанцы обвинялись во лжи, в злодеяниях против христиан и русской церкви, они сравнивались со зверями. Кроме того, им вменялось в вину клятвопреступление, на что официальные летописцы обратили особое внимание. Согласно Священному Писанию, клятва заключалась между Богом и людьми, между царем и народом, люди клялись высшим, божественным⁴. Иначе говоря, клятва имела сакральное значение, а ее нарушение считалось тяжким грехом. Сходным образом нарушение клятвы воспринималось и русскими книжниками. Таким образом, рассмотренное известие в глазах средневекового читателя обосновывало необходимость войны с Казанью.

Для похода на Казанское ханство царь велел воеводам собираться «въ окрестныхъ градахъ столнаго града Владимира». Во Владимире он получил от митрополита Макария благословение «на земское дело итти на клятвопреступниковъ Казанцовъ». Макарий обратился к воеводам и к войску со следующими словами: «Христовою любовью свяжитесь подвизатися Христова ради стада... и за святые церкви и за православное христианство... противу враговъ стати мужествене». Только после этого, 20 декабря, воеводам было велено идти к Нижнему Новгороду, где к царскому войску присоединились хан Шах-Али и царевич Едигер. 12 февраля 1550 г. Иван IV подошел к Казани и осадил город⁵.

Во время осады начались сильные ветры и дожди, из-за сырости пушки и пищали не стреляли, штурмовать город было невозможно. Простояв 11 дней у Казани, Иван IV приказал возвращаться. На обратном пути, близ устья р. Свияга, Бог, видя веру царя, вложил в его сердце «светь благоразумия о благодати Божией». По мысли летописцев, чтобы истребить в том месте басурманскую веру и утвердить православие, Господь привел царя к идее воздвигнуть около Казани русский город⁶.

Итак, официальные книжники, описывая поход 1549–1550 гг., акцентировали внимание на религиозных мотивах войны. Не лишено религиозных сентенций и генеалогически обособленное сообщение Русского хронографа. Согласно Хронографу, царь после обедни в Успенском соборе Владимира, в присутствии митрополита, воевод, княжат, детей боярских дворовых и городских Московской и Новгородской земель, дал напутственное слово перед походом на Казань. Он говорил о том, что после смерти Василия III из-за басурман пролилось много христианской крови, «и многих людей изо многих городов и з женами и з детьми в полонъ поимали и ныне те все крестьянской родъ обусорманень». В конце своей речи Иван IV призвал всех забыть местнические споры и рознь ради «царского дела». В ответ собравшиеся заявили: «И мы, государь, единомышленно все за единь хотимъ за святые церкви и за тебя, государя, и за все православное крестьянство головы свои положить! Поиде, государь, з Божиею помощию на свое царское дело, а мы, государь, твое царское наказание сугубъ восприемлемъ, как ты, государь, повелишь, такъ и делаемъ». Царские войска осадили Казань две недели. Кроме того, воеводы «повоевали» Луговую и Горную стороны и Арские земли, захватив множество пленных. Им удалось «побить» многих казанцев из пушек, однако Казань не пала⁷.

Менее детализированное сообщение о московско-казанском противостоянии сохранилось в «Казанской истории», созданной, предположительно, в 60-е гг. XVI столетия русским книжником, до 1552 г. находившимся в ханском плену. В 27-й главе описан зимний поход 1549–1550 годов. Автор «Казанской истории» подчеркивает, что это был первый поход царя к Казани. Иван IV решился на него, узнав о междоусобице, возникшей в ханстве после смерти Сафа-Гирея. Ради защиты христианства царь со многими тысячами воинов осадил Казань и три месяца штурмовал город, но, то ли по Божьей воле, то ли из-за колдовства казанцев, погода была крайне неблагоприятной; сначала стояла сильная стужа, от которой погибло множество людей и коней, а затем началась ранняя дождливая весна, в результате чего всю землю залило водой.

Как заключил создатель «Истории», Бог не дал город в руки Ивана IV, потому что в Казани не было настоящего хана, а покорение обезглавленного царства не принесло бы чести. Тем не менее, поход не был напрасен:

воеводы, мстя за жестокую смерть своих людей, разорили казанские земли и захватили много пленных, а на обратном пути к царю пришла благая мысль построить близ Казани русский город. По мнению автора «Казанской истории», Иван IV выбрал наиболее благоприятный момент для своего первого похода к столице ханства, воспользовавшись междоусобицей, вызванной безвластием. Судя по всему, осада города была более продолжительной, а боевые действия – более кровопролитными, чем это представлено в ранее рассмотренных источниках⁸.

О значимости похода 1549–1550 гг. писал и князь А. М. Курбский, согласно которому христианское войско выступило против измаильтянского народа, некогда опустошившего вселенную. В лютую зиму Иван IV, собрав храбрых воинов, выдвинулся на «гордого» казанского хана, но вражеский город взять не удалось, и царь «со тщетою немалою отойде»⁹. А. М. Курбский противопоставил христианам измаильтян. В Священном Писании последние характеризуются как кочевые языческие племена, существующие за счет торговли, разбоя и хищнических набегов¹⁰. В Псалтыри, хорошо знакомой древнерусскому читателю, измаильтяне, наряду с народами едомов, моав и агарян, выступают богоненавистниками, врагами Господа и богоизбранного народа¹¹. Так А. М. Курбский привнес в свое повествование идею религиозной войны.

Уникальные сведения об осаде Казани оставил очевидец событий – астраханский мыслитель Х. Шерифи, составивший свой рассказ «Зафер наме-и Вилайет-и Казан» по горячим следам¹². Известие Х. Шерифи начинается с небольшого экскурса в географию и историю «вилайета». Согласно ему, ханство располагается далеко на севере от исламских вилайетов и граничит с землями «неверных», а потому казанцам «неоткуда ждать помощи и поддержки, кроме покровительства Господа миров и помощи ангелов». Для обеспечения благополучия и мира правители Казани прикидывались друзьями «неверных», обмениваясь с ними послами. Это продолжалось до тех пор, пока Сафа-Гирей вторично не взшел на ханский престол и, придерживаясь Корана, «внимая словам пророка», «ожидая прекрасную награду и множества благодеяний от Аллаха Всевышнего, заложив основы здания вражды и разрезав нить дружбы», не начал убивать «неверных» и приводить «бесчисленных пленных и несметные богатства».

Долгое время казанский хан успешно воевал против «многобожников», но все изменилось после его смерти. «Предводитель окаянного войска, безбожник Иван, со своим видом фараона и Немрута, желая сам встать во главе, собрал солидное, многочисленное войско и мерзких воинов, приблизительно с 800-тысячным войском с пушками и ружьями..., придя, окружив великий город Казань, организовали осаду». «Вражеское войско было многочисленным, как полчища муравьев и племя Яджужа, а не людей».

Далее в сочинении описывается оборона города. И днем, и ночью Казань обстреливалась из 11 пушек, которые были заряжены двухпудовыми ядрами, начиненными нефтью, серой и дробью. У нападавших имелись и катапульты, метавшие в крепость огромные глыбы камней. Ожесточенные бои продолжались без перерыва 16 дней. Как писал Х. Шерифи: «Это было такое сражение – будто судный день, мир заполнился звуками кинжалов, в городе Казани кровь текла рекой». Но Аллах помог мусульманам: казанцы, истребляя «нечестивцев», одолели врага и разгромленное войско «неверных» повернуло обратно.

Итак, по приведенному сообщению, Сафа-Гирей, взойдя второй раз на престол, то есть после 1535 г., объявил газават, направленный против Русского государства. Согласно Корану, священная война может быть направлена только против «многобожников», отрицающих знамения Аллаха и с оружием в руках притесняющих мусульман. Поэтому, для обоснования правомерности принятого решения, русские назывались «многобожниками», «нечестивцами» и «безбожниками». С этой же целью Иван IV сравнивался с фараоном, а его войска – с полчищем муравьев, «а не людей», ведь фараон характеризуется в Коране как тиран, деспот и распутник, несправедливо поступивший со знамениями Аллаха¹³.

Описывая осаду Казани, Х. Шерифи обратился к эсхатологическим сюжетам Корана, не просто сопоставив произошедшее с картиной Судного дня, но узрев в этом черты грядущего Конца Света. Таким образом, астраханский мыслитель пытался донести до читателей мысль о том, что он был свидетелем одного из крупнейших столкновений мусульман с «неверными».

Такое представление не согласуется с позицией официальных московских летописцев, которые умалчивали о ожесточенных боевых действиях и указывали на неблагоприятные погодные условия как главную причину неудачи похода. Сопоставление известных летописей и Х. Шерифи лишний раз заставляет с осторожностью относиться к информации источников XVI века. Что происходило под стенами Казани зимой 1550 г. «на самом деле» – остается загадкой. Однако нет никаких сомнений, что изложение фактической стороны событий зависело не только от степени информированности книжников XVI в., но и от их мировоззренческих установок – в данном случае, от представления о богоугодности предпринятого похода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы историковедения летописных текстов. М., 2004. С. 67.

² См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 370–371; Насонов А. Н. История русского летописания IX – на-

чала XVIII века. М., 1969. С. 339–409; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 190–205; Зиборов В. К. История русского летописания XI–XVIII вв. СПб., 2002. С. 141–145.

³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 158. См. также: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 460; Т. 20. М., 2005. С. 475–476; Т. 29. М., 1965. С. 57.

⁴ Вт. 32: 40; 1 Цар. 14: 24–28; 3 Цар. 8: 31; 18: 10; Евр. 6: 16–18.

⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 158–159; Т. 13. Ч. 2. С. 460–461; Т. 20. С. 476; Т. 29. С. 57–58.

⁶ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 160; Т. 13. Ч. 2. С. 461–462; Т. 20. С. 477; Т. 29. С. 58–59.

⁷ Там же. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. С. 530–531.

⁸ Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб., 2000. С. 80–81.

⁹ Курбский А. История о Великом князе московском // Устрялов Н. Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 12.

¹⁰ Быт. 16: 12; Быт. 37: 25; Суд. 8: 24.

¹¹ Пс. 82: 2–7.

¹² Шерифи Х. Зафер наме-и Вилайет-и Казан // Гасырлар Авызы / Эхо веков. № 1. 1995. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1995_may/04/3/

¹³ Коран, II: 190–193; III: 11; VII: 101; VIII: 52; IX: 36; X: 83; XX: 56; XXVII: 12–14.

С. В. Соколов

ИСТОРИОГРАФИЯ XVI–XVII ВВ. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНИ «РУСЬ»

Основная часть впервые изданного в 1549 г. сочинения австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии» открывается рассуждением о происхождении названия «Руссия». Герберштейн, широко понимая «Руссию» как землю разделенную между тремя государями – Московским, Литовским и Польским, приводит 5 версий, объясняющих истоки этого названия. «Одни полагают, что оно произведено от (имени) Русса, брата польского государя Леха, поскольку этот (Русс) был-де государем русских. Другие ведут его от имени [весьма] древнего города Русы, неподалеку от Новгорода Великого. Есть и такие, которые объясняют это название смуглостью жителей. Однако большинство считает, что «Руссия» – это измененное имя «Роксолания». Сами же москвиты, отвергая подобные мнения, как не соответствующие истине, уверяют, будто их страна изначально называлась «Россея», а имя это указывает на разбросанность и рассеянность ее народа, ведь «Россея» на русском языке и значит «разбросанность» или «рассеяние». Это мнение, очевидно, справедливо, так как и до сих пор различные народы живут попеременно с обитателями Руссии...»¹